

Стрелером, положение его сложное.

На презентации фильма реальный прототип Бэмса был в немыслимо щегольской бордовой жилетке, на экране же он красовался в шляпе «борсалино». Они никогда не будут выглядеть как все. Сам Васильев годами ходит в чем-то подчеркнута скромном, темного цвета, раньше даже казалось, что в ватнике, теперь известно, сколько такие «ватники» стоят в СКВ. Говорит он медленно, тихо, как будто с трудом. Хочет того или нет, но все это — часть имиджа, его собственного мифа, в который входят и нечеловеческая работоспособность, и чисто русская заикленность на своем деле, поиск высшего смысла в любом хаосе и любой малости, и даже вечный ремонт здания его театра на Сретенке имеет к его легенде отношение — будь оно готово, что там ставить, с какими актерами?

Есть какая-то горькая закономерность в том, что его лучшие артисты с ним уже давно не работают. Погиб Юрий Гребенщиков — неподражаемый Утюг из «Взрослой дочери». У Гончарова Эммануил Виторган. Гениальный Бэмс — Альберт Филозов (его суперигру вполне передает даже кинокамера) — веселит публику своими антраша в спектакле «А чой-то ты во фраке.» Бог знает в каких фильмах снимается Петренко. В труппе театра Станиславского осталась только Лидия Савченко и за все эти годы по сути ничего там не сыграла. Уехал из страны Григорий Гладий, который был столь же красив, сколь и одарен (сочетание редкое, одно на миллион). Нет рядом своих актеров, не пишет новых пьес Славкин, остались одни ученики.

С ними Васильев работает щедро, иступленно, но есть в нечестных его показах ученических работ какая-то ущербность, присущая гомункулу, выращенному алхимиком в пробирке. Мастер сегодня пристально занимается профессией, препарирует ее, разымает на атомы — и как лабораторные изыскания его опыты дорогого стоят. Но ведь они — только средство. Наверное, это более достойный путь, нежели бороться за власть или выпускать один плохой спектакль за другим. Наверное, не случайно Васильев сторонится живой жизни — от нее в ее сегодняшнем обличье и менее восприимчивый организм может заболеть и погибнуть. Вот только так не хватает его моцартовской способности одним аккордом, тремя сценическими нотами примирить нас с кошмаром будней, с тем, что все сложилось не так, как мечталось, — «это жизнь, Бэмс». Так хочется, чтобы кто-то снова разделил ваше перманентное уже настроение цвета индиго. Чтобы созданная режиссером вторая реальность — реальнее первой! — помогла хотя бы на миг изжить ту муку, что идет не от обстоятельств, а от нас самих.

Васильев верно как-то заметил, что больше всего художественному творчеству угрожает благополучие. Здесь как в Екклесиасте: «Сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья». До своей Чаттануги они уже добрались, изжив комплексы юности. Обратная дорога труднее, да и сил уже меньше. Неужели они о нашем возвращении домой, на родное пепелище так и не расскажут?..

Нина АГИШЕВА